

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Слезы
Рублевки

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Слезы Рублевки

«ЭКСМО»

2014

Казанцев К.

Слезы Рублевки / К. Казанцев — «Эксмо», 2014 — (Воровская любовь)

«Рублевские жены» Настя Серебрякова и Лариса Владимирская не поделили место на автомобильной парковке. Словесная перепалка чуть не переросла в драку, но женщин удалось вовремя успокоить. Настя вскоре забыла об инциденте, а вот злопамятная Лариса нет. Она жестоко отомстила обидчице. Сначала провернула хитрую схему, и доходный бизнес семьи Серебряковых в один миг стал убыточным, а потом разрушила Настин брак. Лариса была уверена, что все ее злодеяния останутся безнаказанными. Но она ошибалась...

© Казанцев К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

Слезы Рублевки

Эта история разыгрывалась в действительности некоторое время назад. В ней сплелось так много любви, ненависти, бандитизма и мистики, что в ее реальность трудно поверить...

Их заметил экипаж автомобиля ППС, проезжавший поздним вечером по одной из из двух улиц Вилиса Лациса, – совершенно голую женщину и группу подростков, тащивших ее в сторону Алешкинского леса. Намерения последних выглядели недвусмысленными.

Задержанные и тут же у машины допрошенные малолетки (двух удалось поймать) ни от чего и не отпирались. Шли с бабой, да. Но ничего с ней не делали. Встретили уже в таком виде и просто хотели довести до ОВД.

В Алешкинском лесу как раз полно ОВД, да.

Дополнительное расследование – даже без легких телесных – быстро убедило юных сластолюбцев добровольно отказаться от версии о своем альтруизме. Но в главном они оставались тверды: тетку они встретили в таком именно виде. А дальше она сама ни в чем не отказывала. Шла мирно, куда ведут.

«Наверное, соблазнить хотела», – шмыгая носом, высказал предположение один из задержанных. Самый юридически подкованный.

Потерпевшая ни подтверждала, ни опровергала эти показания. Укрытая бушлатом, она сидела в полной прострации на заднем сиденье «уазика», практически не реагируя на обращаемые к ней вопросы. Лишь медленно водила головой из стороны в сторону и улыбалась.

– Да она обдолбанная! – вынес заключение старший патруля. И распорядился везти всех задержанных в отдел.

Он заметил, конечно, похотливый блеск в глазах водителя и двух своих патрульных. Понятное дело: находящаяся под кайфом наркоша – легкая добыча. Но человек уже зрелый, имеющий взрослую дочь, старший показал кулак самому нетерпеливому, тут же вознамерившемуся незамедлительно оценить упругость груди потерпевшей. Затем сделал строгое лицо и твердо приказал ехать в РОВД. Там, дескать, разберемся.

Поскуливающих задержанных погрузили в «обезьянник». Стоны про «они ж ничего, они ее случайно встретили, она уже такая была, она сама предложила...» проигнорировали. Хотя в пользу этой версии говорило то, что никаких предметов одежды женщины в радиусе сотни метров не обнаружили. На ней самой телесных повреждений тоже не было. Впрочем, одно место явно напрашивалось на пристальный интерес судмедэксперта, но соответствующий досмотр уж точно не дело патрульных.

В отделе ничего нового для прояснения этой истории установить не удалось. Дежурный только выматерился, приказав вызвать «неотложку» и отправить потерпевшую в больницу. Обдолбанная или просто больная – но ему не улыбалось докладывать утром про труп в «обезьяннике». А что там произойдет дальше с неадекватного поведения дамой – один лишь бог знает.

Так у экипажа ППС второй раз «обломилось»: дежурный лишь сплюнул в ответ на прозрачный намек: «А может, ее, это... в допросную?»

Потом оба, и старший патруля, и дежурный, не раз поздравили себя с правильным, согласно закону, отношением к женщине.

Когда выяснилось, кто она...

Глава 1

– Антон, я в шоке! Он меня бросил!

Телефон захлестывают рыдания. Сейчас слезы брызнут прямо в ухо...

Ох уж эти мне гламурные дамочки! Все эмоции на свете способны свести к одним словам! «В шоке!» В шоке по поводу новой коллекции от «Гуччо». От подружки сплетню услышала – опять в шоке. Кто-то кого-то бросил – то же самое...

Так, что еще случилось? И кто это?

С клиентурой у меня в последнее время дела – тьфу-тьфу! – пошли неплохо. Помогли те два недавних дела – найденная девчонка и возвращенный муж. Теперь ползет обо мне среди клиенток слухок, приносящий прибыль.

Оно и понятно. Здешние жены, особенно те, чья молодость стала угасать, готовы хоть черту продать, лишь бы тот помог им отражать налеты диверсанток – длинноногих и юных. Тем более ненавистных, что многие нынешние добродетельные жрицы семьи и сами некогда отвоевали супругов в ходе таких же боевых операций, прогнав с занимаемых позиций прежних жен. Поэтому цену своему теперешнему «Мамаеву кургану» они знают прекрасно и драться за него готовы люто. Включая, как уже сказано, заключение пакта о взаимопомощи с самим чертом.

А я все-таки не черт. Хотя, с точки зрения некоторых, нахожусь с ним в смежных помещениях. Ну, психотерапевт, владеющий гипнозом и некоторыми другими техниками, позволяющими залезть в самую глубину души и извлечь оттуда занозу, – в общем, лицо несколько inferнальное. Особенно для гламурных дам, как правило, не изуродованных излишним образованием...

И хоть моя помощь предусматривает вознаграждение в виде денежных знаков, а не души, время от времени я поддерживаю такую – мистическую – точку зрения. В конце концов, присутствие или отсутствие черта при налаживании семейных отношений – вопрос чистой терминологии, а нынешним миром правит пиар. А уже тот приводит новую клиентуру. А она приносит новые доходы.

Многие воспринимают психотерапию с усмешкой: этакий хитрый способ экспроприации экспроприаторов. У богатых – свои причуды. Врач тут нужен, чтобы они поменьше плакали. И когда пытаешься убедить, что да, богатые действительно тоже плачут – и по делу, от реальных и подчас более страшных проблем, чем у бедных, – соглашаются умом. Но в душе не верят. Тем более что убеждены, как сказала одна умная посетительница интернет-форума, где я временами завишаю: то ли все психотерапевты самодовольные шарлатаны, нашедшие модный «клондайк», то ли это вообще не профессия, а искусственно созданная ниша для болтунов и бездарей.

А что уж говорить обо мне? С моей-то специализацией. У меня редкая специализация: я работаю на Рублевке...

* * *

– Я позвонила домой, в Москву... Случайно совсем... хотела поговорить с горничной... а он никуда не улетел! Он с ней... С той шлюхой! – голос на другом конце сотового канала срывается почти на визг.

А, теперь узнал. Анастасия Серебрякова. Одна из недавно обретенных клиенток. Нет, не гламурненькая. Как раз вполне нормальная. Не из «охотниц». Да и вообще – не из местных. Не из жен богатеев, которым голова нужна лишь затем, чтобы наносить макияж самых пре-

стижных фирм. Нет, эта из сэлф-мэйд, что называется. Все эти «я в шоке» для нее как раз не характерны. Видно, и в самом деле в шоке оказалась.

К сожалению, через телефон ее не встряхнуть. Не протянуть стакан воды.

– Настя, успокойтесь, – сказал я как можно проникновеннее. – Объясните по порядку. Что случилось?

Надо сбить эмоции. Нужно направить сознание в конструктивное русло. А это закон: начал рассказывать – следовательно, начал успокаиваться.

Начала. Лишь несколько мгновений еще душили всхлипывания. За ними был слышен шум большой улицы.

– Все было сперва как обычно... Виктор занимался своими делами, – вот голос по-прежнему срывался. – Потом сказал, что срочно улетает в Мадрид. Контракт какой-то важный...

Выговориться, сформулировать мысли, приглушить тем самым эмоции – вот что сейчас важнее всего.

– Продолжайте, Настя.

– Он уехал. А я никак не могла найти свою новую блузку. Мы собирались с девчонками... Решила позвонить горничной в московскую квартиру. Узнать, не там ли она. И когда она собирается... Если скоро, то чтоб прихватила. А он! А вместо нее берет трубку он, представляете! Я даже предположить не могла, что он... так... врал... – голос снова завибрировал. – Я говорю: «Витя? Что ты здесь делаешь?»

Новая порция «у-ы-ы-ы-ы». Надо пресечь:

– И что он ответил?

– Ну, я его совсем врасплох...

Тут она, видимо, представила, за каким занятием застала мужа врасплох. И снова взвыла. Потребовалось еще какое-то время, чтобы ее успокоить.

– И говорит, – Анастасия изменила голос, подражая интонации мужа, саркастически произнесла: – «Прости! Давно хотел сказать. У меня есть другая женщина».

Да, рубленные фразы Виктора ей удалось изобразить мастерски.

– Что мне делать, Антон?! А тут еще эти менты...

– Постойте, при чем тут менты?

– Меня задержали-и! А я ничего... Я не понимаю, чего они хотят...

Та-ак, интересненько... Час от часу не легче! Какие менты, откуда они?

– А я не дома-а... Я поехала к нему... Я хотела все ему высказать! Какой он...

А, тогда понятно. Значит, ГАИ...

Дэпээсники любят иногда поохотиться на машины богатых барышень. И кровь себе погреть столкновением с «сильными мира сего», и подзаработать. Нет, они не останавливают просто так, для пошлого и в данном случае весьма рискованного подчас вымогательства. Здешние гаишники не дураки, чтобы придирается к отсутствию аптечки в навороченном «Лексусе». Тем более что она там есть. Дураки на этой трассе не выживают. А уцелевшие тактику «боевых действий» с богатыми водителями освоили отлично. И они каким-то особым чутьем понимали, с кем из нарушителей не стоит связываться, а на ком можно срубить баблоса.

В девяностые, бывало, все проходило по-простому. Даже дверца машины не открывалась. В приоткрытое окошко с одной стороны купюра появлялась, а с другой – всасывалась. И довольные друг другом контрагенты расходились.

Теперь такого романтического беспредела больше нет. Теперь надо поговорить, разобраться, поторговаться. Но порядок тот же – договориться в принципе можно. «Тарифы» разве что другие. Соткой «зелени» уже не отделаешься. Но все стремятся решить все на дороге, а не в управлении ГИБДД и не в суде. Там будет дороже.

И что сейчас случилось? Никого не подбила, не переехала, ни в кого не врезалась?

– Настя, передайте, пожалуйста, трубку старшему из них, – попросил я мягко. – Я поговорю...

* * *

– Чего вам?

Голос в телефоне не располагал к ответной любезности. Но принадлежал явно лицу начальственному, привыкшему отдавать команды. Дело осложняется – с обычным инспектором договориться было бы легче.

Конечно, многое зависит от того, что там натворила Анастасия, насколько серьезно ее нарушение. Если не очень – решить вопрос можно. И недорого. Настоящие «службисты» – по уставам и инструкциям – встречаются редко. Если вообще не вымерли как класс. Так что, если нет приводящих обстоятельств в виде проверки либо отчаянной нужде в «палке», договориться удастся.

И я, откровенно говоря, ничего особо плохого здесь не вижу. Коррупция? Не уверен. «Договороспособный» гаишник – комарик на фоне того, кто в строительство километра дороги в России закладывает столько же, сколько в Германии стоят десять километров их немецких автобанов. И в принципе «сотрудничество» между водителем и гаишником, выражаемое в денежной форме, – не более чем собственная, национальная форма регулирования дорожного движения в нашей стране. Модус вивенди по-русски.

Сам факт, что сейчас большой гаец взял трубку и стал разговаривать, показывает его заинтересованность. По крайней мере, в компенсации. И если Анастасия дров еще не нало-мала, можно попытаться уладить проблему полюбовно.

Теперь главное – самому уметь построить интонацию. Тут как при разговоре с клиентом: думаешь о его интересах, вспоминаешь что-нибудь оптимистичное, стараешься постоянно улыбаться. Улыбка всегда чувствуется на том конце телефонной линии.

– Расскажите, пожалуйста, что случилось, – озабоченно, но с оптимизмом спросил я. – Как можно разрешить проблему?

Туповато, конечно, прямолинейно – но для работников полосатой палки в самый раз.

– А вы кто, муж? Или адвокат?

– Нет, ни то ни другое. Я скорее специалист по ликвидации срывов.

Адвокатов они не любят.

– Разрешите, я приеду, попробую ее успокоить?

Тут – сразу два неявных сигнала. «Разрешите» – это обращение подчиненного к начальнику в армии и правоохранительных органах. Тем самым этому майору или подполковнику – а я уже был убежден, что это кто-то из офицеров среднего уровня, они иногда любят сами поохотиться, подзаработать – дается понять, что он тут главный. И психологически он незаметно для себя включается в ситуацию, когда ощущает, что я для него не опасен.

А во-вторых, он получил информацию, что я на его стороне – ведь я еду успокаивать женщину, а не «разбираться», «решать проблему», «договариваться, командир» и так далее. И «специалист по ликвидации срывов» звучит интригующе.

Ну и последнее: я поставил его в ситуацию психологической неустойчивости. Как он может не дать разрешения успокоить рыдающую, впадающую в истерику даму, когда неизвестно, что она выкинет в следующий момент? Она вон даже про задержание не сразу вспомнила, все про мужа своего говорила...

* * *

Первой реакцией Анастасии на слова мужа было полное, всеоглушающее отчаяние. Словно кто-то очень родной умер. Или она сама умерла?

Ерунда это, что мужчины выбирают себе жен. Это Настя выбрала его. Еще в Плехановском. Она поступила, он уже оканчивал. Трудно пересечься в большом вузе при таких обстоятельствах. Но – случилось.

Красивый? Да, красивый. И чувствовалась в нем какая-то звериная упругость. Он передвигался неподражаемой хищной стелющейся походкой. Походкой наемника, как она тут же про себя решила. Не сильно широк в плечах, но пропорционален, как Аполлон. Не тот пошлый из банальных женских мечтаний, а настоящий такой, из-под резца греческого скульптора.

И еще чувствовалось за ним что-то острое, тревожащее. Будто из-за его плеч прищуривалось на людей.

В кругу Насти было редкостью, чтобы парень уходил в армию. А Виктор отслужил. Он не говорил тогда, где и как. Но виделся за ним некий другой мир, в котором он был своим. И мир этот был непрост и, видимо, далеко не безопасен. Ибо угадывалась в повадках Виктора привычка принимать решения быстрые, как удар. Ответственные. Решения, которые нередко приводят далеко не к одним словесным дискуссиям.

Лишь позже она узнала, что он «прихватил» службу в Чечне. Участвовал в боевых действиях, стрелял в людей, сам был ранен...

Возможно, пройденная школа настоящего вооруженного конфликта потом и помогала ему в бизнесе. Но тогда Настя выбрала своего будущего мужа не за качества успешного предпринимателя. О них тогда не знал, наверное, и он сам. А именно за это – за тревожащую тайну. И за характер, за которым словно стояла лязгающая танковыми траками сила.

И когда это все вдруг – в одну страшную секунду! – стало чужим...

Анастасия сидела около телефона, не в силах пошевелиться. Лишь слезы, неудержимые слезы начали торить путь по щекам. Она ничего не чувствовала, совсем ничего, кроме пустоты... А дальше...

Нет, у Вити не тот характер, чтобы она могла на что-то надеяться. Потому отчаяние не нуждалось в сражении – оно, как мародер, обрушилось на поле, оставленное противником.

Да, сеансы у психотерапевта сыграли некоторую роль. Поэтому Настя держалась. Если бы не предательские слезы, ничего особенного в ее действиях нельзя было и заметить.

Но в мозгу как будто зажглась звездочка, яркая, очень болезненная в своей яркости звездочка. И она росла, расширялась, выжигая все вокруг себя острыми, словно шипы, лучами. Шипы вонзались в нервные узлы, рвали мозг, упирались в череп, вызывая все большую и большую боль. Настя еще помнила, как вывела машину, как выехала за ворота. Как вывернула на шоссе. А в мозгу все светлело и светлело. Словно солнце, красное и нежаркое ранним утром, забиравшись выше по небосводу. И становилось ярче и ярче... пока не взорвалось, ослепляя сознание.

И после она уже ничего не помнила. Ни как проскочила мимо поста на въезде в Москву. Ни как все больше и больше наращивала скорость, пока ехала по Рублевке. Ни как яростно сигнализировала неповоротливым водителям, что занимали левый ряд, никуда не торопясь. Ни как вырвала из-под моста на Кутузовский, даже не посмотрев налево, из-за чего мчавшуюся прямо машину буквально отшвырнуло прочь. Ни как от нее шарахались другие водители. Ни как, в отчаянии от их тупости, она выскочила на разделительную. Ни как в последнюю секунду увернулась от стоявшего на ней полицейского «Форда», ни как за ней началась погоня, ни как ее прижимали к обочине у Поклонной...

И только зажатая спереди «Фордом», а слева – черным «мерсом» подрезанного ею подполковника, она пришла в себя. И боль ее вырвалась наружу...

Мимо сознания Насти прошло то, как к ее машине бежали азартные и злые гаишники. И как их азарт и злость сменились на растерянность, когда в злостном нарушителе они обнаружили воющую от отчаяния, почти невменяемую женщину. Мимо прошло и то, как ее выводили из машины, пересаживали на заднее сиденье автомобиля ГАИ, как у нее проверяли документы, что-то спрашивали, чем-то интересовались, искали что-то в сумочке... Она не заметила, как кто-то из сотрудников правоохранительных органов сочувственно обращался к ней, как предлагал своим оставить ее в покое. Как другой кто-то возражал, напирая на то, что дамочка сейчас не в состоянии вообще ничего делать, не говоря уж о том, чтобы вести машину...

В голове крутилась лишь одна фраза мужа: «Нет. Не надо приезжать. Я не один». И было ясно, с кем это он – не один...

* * *

Все оказалось лучше, чем я ожидал. Рядом с машиной не лежал труп, укрытый черным пластиком. Не стояли побитые, всхлипывающие огоньками авариек автомобили. Не суетились пожарные вокруг бензинового ручейка. Может быть, поэтому гаишники, облитые фиолетовым светом уличных неоновых ламп и оттого похожие в своих мокрых плащах на вставших на хвосты рыб, были настроены если не миролюбиво, то и не агрессивно. Полчаса в обществе рыдающей, ни на что не реагирующей женщины любого мужчину заставят ощутить всю неизбежную вину своего пола перед противоположным. Таково уж свойство девичьих слез. Даже если дева эта сидит за рулем «пятисотого» «Мерседеса».

Впрочем, сейчас моя пациентка сидела в полицейской машине. За пупырышками дождевых капель на стекле профиль ее казался размазанным, словно тушь на зареванном лице.

– Антон Геннадьевич, – представился я вышедшему из машины начальнику и протянул ему руку.

Не сможет он ее не пожать. А как пожмет – он уже мой. Мы с ним теперь не противники, а почти партнеры, столкнувшиеся с общей неприятностью.

– Подполковник Мартынов, – буркнул гаишник, пробормотав еще что-то неразборчивое про какое-то управление ГИБДД. Значит, я не ошибся. Майоры еще могут выезжать в патрули, а подполковники – лишь по особому случаю. Не всегда, конечно. Жизнь полна исключений больше, чем правил. Но близко к закономерности. Значит, либо вызвали, либо что-то с ним у Насти и произошло.

Оказалось второе. Ладно, будем разруливать...

Логовенко возник в кабинете неожиданно. Он так умел. Только что, кажется, не было никого, и дверь даже не открывалась, а вот он уже стоит около нее и роняет скуповопросительно: «Разрешите?»

Начальник охраны Владимирского был кагэбэшником. Бывшим, правда. То есть вышедшим со службы и устроившимся, как обычно пишут в прессе, в коммерческую структуру.

Впрочем, Борис Семенович был хорошо осведомлен о порядках в спецслужбах. А потому иллюзий ни относительно прошлой службы Логовенко, ни относительно нынешнего его положения не строил. Кагэбэшников бывших не бывает.

Но это банкира вполне устраивало. ФСБ сейчас в силе и почете. А он с этой организацией поддерживает отношения вполне предупредительные. Пару раз помогал деньгами неким фондам, которые были организованы выходцами с Лубянки. Поучаствовал и в финансировании дома, как это изобразили, «для военнослужащих». И не жалел об этих деньгах.

А что? С тех пор как ФСБ нашла себе место в новом общественном организме, созданном на обломках СССР и прежней экономики, претензии к ней могут существовать только у идиотов. Или пламенных правозащитников, чье горение основательно подпитывается деньгами таких же спецслужб. Только американских и английских. А то и самой ФСБ.

В общем, ФСБ «вписалась». А коли так, то она стала общим защитным и аналитическим инструментом для них, нынешней хозяйственной и политической элиты страны. И если чекистам понадобились квартиры – то почему не внести и свой посильный вклад в это дело? К тому же оно так и безопаснее. Вон Мишка Хородковский решил, что он теперь – пуп земли. Отказал президенту в просьбе поделиться. На жилье для офицеров, как водится... И где он сейчас? Не только ежится под знойным читинским солнцем, но и навсегда выкинут из элиты. Из числа тех, кто сегодня выстраивает новое государство. Хорошо выстраивает, плохо ли – а кто в этом деле мастер? – но... под себя. По принципу «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для Америки» И наоборот. И если в этом государстве ФСБ играет более чем важную роль охранной службы – то отчего не жить с этой службой... ну, если не душа в душу, то по-добрососедски?

В своем маленьком «государстве», в банке и выросших вокруг него структурах, сам Владимирский, во всяком случае, свою охрану берег и лелеял. Во-первых, деньги на самую организацию службы. Их давал вволю. Берите, сколько нужно. Нет, сперва отбейтесь, конечно, проговорите со мной каждый пункт. Защитите его, докажите, что это нужно. Но если защитите свою заявку, то после этого я над каждой копейкой дрожать не буду. Не Березовский, чтобы своих же сотрудников кидать. Тот вон свой «Остров» кинул раз, кинул два, пожадничал на третий – и все, нет больше Березовского! Слили его собственные же агенты. Плеснули наружу информацию о том, как он высших лиц страны прослушивал. Включая дочку президента, которая к тому же на него и работала...

Это как раз было «во-вторых». Во-вторых, Владимирский своих людей берег и из разных ситуаций старался выручать. Точнее, давал в этом полный карт-бланш тому же Логовенко. Которого прикрывал уже на своем уровне.

За это люди платили ему редкой исполнительностью и... молчаливостью. Из его структур «сливов» не было. Тем более что кое-кто на паре случаев убедился, что существует и другая сторона медали. И она крайне неприятная, да...

К этому примыкало третье. Зарплаты. Лишь в немногих структурах работники охраны зарабатывали больше, чем у Владимирского. Верность стражи – величина переменная, говорил Борис Семенович, а чтобы она была постоянной, в аргументе должны быть большие деньги. Это он из истории усвоил. Правда, и спрашивал серьезно. Точнее, не он, а Логовенко. Но тот действовал с его санкции и по его инструкциям.

Кстати, то, что случилось с Ларисой у этого магазина, было по-любому проколом службы охраны. Пусть она выехала сама, пусть велела себя не сопровождать, пусть маршрут ограничивался Жуковкой – все равно это был прокол. Сегодня над ней занесли арматуру, а завтра? В наручники да на заброшенную лесопилку, выкуп с мужа требовать?

Так не годится. Поэтому сейчас Владимирский долго и сумрачно смотрел на Логовенко, не приглашая того пройти дальше. Потом снял очки и начал стучать пальцами по столу, все так же не отрывая глаз от бледного лица начальника охраны. Театрально немного, конечно...

Владимирский прервал дробь и с размаху припечатал ладонь к столешнице.

– Ну что, Толя, – произнес он мягким, не внушающим ничего доброго голосом, – тебе разонравилось работать со мной? Ты стал работать еще на кого-то? На кого? Я об этом могу узнать?

По лицу Логовенко, начиная снизу, от самой шеи, поползла вверх краснота.

– Отвечай! – рявкнул хозяин.

– Я не понимаю... – начал было шеф охраны.

– Не понимаешь?! – подпрыгнул Владимирский в кресле. – Ты еще не понимаешь? Ты за свои охрененные деньги, которые я тебе плачу, позволяешь себе еще и не понимать мои слова?!

При этом рассудок Владимирского оставался холоден и расчетлив. Как он подозревал, рассудок Логовенко – тоже. Недоумение и покорность он разыгрывал. Хотя нет, покорность, пожалуй, настоящая. Еще бы ему не быть покорным за такую зарплату!

Тем не менее сцена требовала насильственного продолжения.

– Ты даже не в курсе, что мою жену чуть не убили?

Переборщил. Истерить не надо. Это уже пошла женская экзальтация.

– Я тебя что, только на серьезные дела нанимал? Проблемы моих близких – это уже ниже твоего достоинства? А арматуриной по башке получить возле магазина – это как?

Логовенко стоял красный как рак. Он не делал попыток оправдаться, не шевелился, не отводил взгляда.

Краем сознания Владимирский не мог не восхититься школой, которую тот прошел в своей «конторе». Как ему один тамошний отставник рассказывал, когда там спрашивают твое мнение, это означает, что тебе отдали приказ. А когда хвалят – надо ожидать неприятностей. Тот человек знал, что говорил: он застал еще времена, когда по коридорам Лубянки ходили хрущевские цековцы с автоматами и чуть не за ноги выволакивали из кабинетов активных людей Берии...

Интересно, что по их шкале означает, когда так орут? На полукрике Владимирский и остановился. И спросил обычным голосом:

– Ну, что делать будем?

Неизвестно, что уж там подумал начальник охраны про эту игру, но цвет лица у него постепенно выравнился. Грудь чуть расправил и ответил ровно:

– Я уже в курсе дела. Но было распоряжение – зря сопровождения не навязывать. От третьего сентября прошлого года. После вашего указания мною был издан соответствующий приказ по отделению физической защиты. Сегодня Лариса Анатольевна сама обозначила свой маршрут как «только до универсама». Расследования инцидента я не проводил за отсутствием вашего приказа. И в силу поступившей информации о его сугубо бытовом характере. В связи с таким характером инцидента разведывательное упреждение не могло быть организовано. Я жду ваших указаний.

«Вот собака! – восхищенно подумал Владимирский. И не придерешься! Нет, школа есть школа, ничего не попишешь!»

Не меняя, однако, сурового выражения лица, вслух он сказал:

– Прошу вас, Анатолий Евгеньевич, выясните все обстоятельства дела. Если конфликт был бытовой, то мне нужно знать только имя зачинщика и его координаты. После этого я приму решение, что делать дальше. Если под видом бытового начался какой-то непонятный нам пока наезд, прошу в этом также разобраться. Цели, заказчики, исполнители. Расспросите Ларису Анатольевну поточнее, как было дело. Постарайтесь одновременно успокоить ее и обозначить явственно, что эта ситуация не осталась без нашего с вами внимания. И что проблема эта разрешается.

Логовенко склонил голову.

– И еще вот что... – после небольшой паузы добавил Владимирский. – Это выходит за рамки ваших непосредственных обязанностей, понимаю. Но будьте добры, назначьте кого-нибудь проследить за досугом моего сына... Хотя бы на недельку. Что-то он в последнее время не здорово выглядит. Боюсь, не попал ли он под влияние сил, не озабоченных его безопасностью...

«Вот ведь! – чертыхнулся он про себя. – Всякий раз при разговоре с этим вышколенным охранным роботом я начинаю говорить таким вот высокопарным стилем! Провоцирует он меня, что ли?»

– Смету расходов на эту деятельность представьте мне, пожалуйста, к вечеру, я дам распоряжение...

Глава 2

За огоньками свечей глаза Натальи мерцали как два лесных болотца под луной. Глубокой темной затягивающей зеленью. Лицо казалось матовым и мягким. Аппликация на фоне стены.

Наталья любила так. В отличие от жены она умела романтично обставить даже самый тривиальный ужин. Мастерски сделанный полусвет-полутень, неожиданно выставленная хрустальная ваза, те же свечи, еще какая-нибудь финтифлюшка... Виктор как-то раз даже предложил ей открыть дизайн-бюро «Романтический ужин» – он готов выделить начальный капитал.

Она посмеялась: «Не хочу быть злой акулой бизнеса, хочу быть простой пираньей журналистики». Но он заметил, что с тех пор она стала уже целенаправленно выстраивать свой мини-интерьер в квартире, наполняя ее неким новым, особенным смыслом.

Он поднял рюмку «Егермайстера». Свет прошел через хрусталь и темную жидкость и распался на мерцающие пятна.

Хорошо! Можно отринуть суетный и суетливый день. Можно забыть о нем. Можно выкинуть из головы все. Оставить только мягкое кружение «Егермайстера» в мозгу да образ этой фигуры напротив. Фигуры в одном беби-долле, не скрывающем ничего и подчеркивающим все...

Телефонный звонок обрушился как снаряд. От неожиданности Виктор взял трубку. И когда послышался голос жены, словно сорвался с горы в пропасть. И тут же пришла досада. Быстро переходящая почти в ярость. И облегчение. Может, так даже и лучше. Не надо больше тянуть с этим двусмысленным положением, когда, словно мальчишка, таскаешься по подворотням с подружкой. Пусть так! Пусть она узнает. А дальше будем решать.

Не к месту всплыла поговорка, которая когда-то давно его забавляла: «Никогда так не было, чтобы никак не было. Всегда так было, чтобы как-нибудь, да было». И он бухнул в ответ:

– Да, не поехал я в Мадрид. Давно хотел тебе сказать... Я не один...

И оглянулся на постель. Наталья следила за ним, приподнявшись на локте. Шар груди с белым треугольником от купальника на загорелой коже выкатился из-под простыни. Взгляд любовницы был как-то по-особому внимателен. Словно что-то просчитывал...

Наталья была журналисткой. Даже заместителем главного редактора гламурного журнала про частную жизнь богатых и знаменитых. Жена любила его читать, иногда ахая от поразительных деталей из походов Высоцкого или каких-то артистов и правительственных деятелей.

Забавненько как получалось: чтиво для жены подготавливала его любовница...

С Натальей они познакомились на одном из светских раутов. Кажется, в Международном центре, где израильское посольство организовало прием по случаю национального праздника.

Как обычно, по большому залу фланировали самые разношерстные фигуры – от известных телеведущих в смокингах до юных журналистшек, чуть ли не в свитерах, и от аляповатых эстрадных див до обворожительных жен банкиров.

Виктор не любил подобные рауты. Стоишь с кретинским видом посреди зала, держишь рюмку в руках и ждешь, когда можно улизнуть. А надо что-то делать – к кому-то подходить с приветствием, кого-то, наоборот, привечать, с кем-то знакомиться, что-то говорить... Необязательное и бессмысленное. А потом вдруг остаешься один и стоишь посреди зала. С кретинским видом и рюмкой в руках.

Нет, подчас и на таких мероприятиях случаются полезные знакомства. Но крайне редко. Все такие контакты надо хорошо готовить. А пока ты подбираешься к человеку, то нужное знакомство происходит как-то само собой. Часто как раз в процессе его подготовки.

Так было и тут. Виктор тогда интересовался одной израильской фирмой, которая, в свою очередь, вроде бы заинтересовалась его возможностями здесь, в России. И готова была способствовать его проникновению на свой рынок в обмен на его помощь в освоении здешнего.

Ну а дальше все было как обычно. Поговорили, нашли взаимопонимание, договорились уже о деловой встрече, и потенциальный партнер вскоре исчез в водовороте других участников раута. Пообщались, сначала чуждо-вежливо, а затем и вполне дружески, с израильским консулом. Перекинулись словом с несколькими знакомыми, махнули по паре фужеров с Игорем Красавиным из Администрации президента. Виктор уже начал прикидывать, как бы ему тихо ускользнуть. В заведение напротив, где в эти часы становилось куда веселее, чем здесь. Но тут бизнесмен Андрей Демьянов, хороший его партнер по теннису, подвел к нему девицу, одетую вольно, но с изыском.

– Вот вам Виктор, – без обиняков объявил он. – Лучше его в фарфоре никто не разбирается. Вить, это Наталья... как твоя новая фамилия?

– Уже никак, – не стала комплексовать девица по поводу вполне хамского выпада Андрея. – Я развелась. Так что можно звать девицей – Аккуратова.

– Ну, в общем, вот тебе, Витя, Наталья Аккуратова, – по-прежнему игриво представил ее Демьянов. – Пишет про знаменитых и богатых. Как мы с тобой...

Журналистка без стеснения, откровенно разглядывала Виктора.

– Ну... – хмыкнул он. – Это ты у нас звезда экрана.

Андрюха действительно значился в журналистской «номенклатуре», и ему довольно часто звонили с просьбами высказать мнение о тех или иных новостях экономики.

– А мы всего лишь скромные труженики посудного производства, – добавил Виктор. – Совершенно не предмет интереса для столь ослепительных дам...

Надо было сказать: «Для прессы».

– Ну что вы! – безмятежно улыбнулась представительница прессы. – «Ослепительные дамы» давно вами интересуются. Но они слишком скромны, чтобы самим напрашиваться на знакомство с таким стильным мужчиной.

Скромностью от Натальи, впрочем, совершенно не веяло. Веяло как раз противоположным. Да и повадками она напоминала опытную пантеру.

На светских тусовках нередко встречаются такие... знающие толк в мужчинах охотницы. Оценивающий их взгляд трудно с чем-нибудь перепутать. Потому Виктор старался обходить таких девиц десятой дорогой. Когда ему прискучивал домашний секс, то существовала, как это называл тот же Андрюха, «фауна из сауны». С очень важным достоинством «фауна» – без претензий. А вот оказаться в тенетах всяческих светских львиц никак не хотелось: из опыта других Виктор давно усвоил, что такие истории ничем хорошим не кончаются. Тем более что он все-таки слишком ценил и свою семью, и свою Настю, чтобы ввязываться на стороне во что-то большее, нежели простой физиологический акт. Те-то он и не считал изменами – ведь, несмотря на «фауну», трон Насти оставался непоколебим.

Так что Виктор сыграл в голове сам себе сигнал «Внимание!» и на всякий случай решил занять оборонительную позицию. Впрочем, в ней имелась брешь: девица его заинтересовала. Он мысленно раздел ее, оценил и сделал вывод, что с такой можно было бы... чуть-чуть...

– Понравилось? – нахально спросила «скромница», для которой движения мужской души, похоже, были так же зримы, как движение облаков по небу. – Есть одна проблема: у меня родинка прямо под левой грудью. Она немного портит вид. Все хочу свести, но некоторым именно так нравится.

Андрюха заржал, довольный.

– Она к тебе, между прочим, по делу, – сказал он. – А ты на второй минуте знакомства уже про сиськи разговор заводишь... Наталья, – обратился он к девице. – Витька у нас – жутко растленный тип. Вы рискуете познакомиться не только с фарфором... – гоготнул он еще раз.

– А что фарфор? – перевел разговор на другую тему Виктор. Армия противника как-то слишком быстро обошла его укрепления, и он поспешил прикрыть ту самую брешь.

Оказалось, что новой знакомой нужно было навести кое-какие справки по фарфоровому бизнесу. У них в журнале шел материал о Пушкинском заводе, его истории и прежних владельцах. И неизбежно всплывала тема современности. А в современности у завода под Питером были серьезные неприятности. С чередой невыплат и судов. Правда, не так давно он, похоже, вышел на спокойную воду. Но уже под именем императорского. И во владении братьев Ягодиных.

В свое время Виктор тоже косил глазом в сторону этого предприятия. Но тогда ему было не по силам тягаться с выкупившими акции предприятия американцами. Он тогда едва-едва, мелкими, но не суетливыми движениями прибирал к рукам завод в Коростене и налаживал собственную сеть сбыта по России. И его просто затоптали бы в борьбе за гиганта с историей, начинающейся в 1744 году. Как, собственно, затоптали в конечном итоге даже американцев, имевших более чем достаточную долю – шестьдесят процентов. Им так и не дали вступить во владение бывшим поставщиком императорского двора.

Так что не по рту был тот каравай.

Вот сегодня Виктор, пожалуй, мог и потягаться. Хотя бы за блокирующий пакет. Но для этого надо было сначала закончить дела с покупкой еще одного предприятия. И надежно законтачить с главой комитета по экономической политике и предпринимательству. И вообще поплотнее заняться Госдумой. А там видно будет.

Впрочем, журналюшке этого всего ведать не полагалось. Что-то она знала, конечно, но поверхностно. В то время как в бизнесе все основные дела творятся в темной глубине. У самого дна, среди густых молчаливых водорослей... И сомов.

Но все же как-то незаметно, на автомате, договорились, что зайдет она к нему в офис на «Авиамоторной». Там его специалисты расскажут, что такое настоящий фарфор, чем хорош фарфор Пушкинский и какие истории с ним связаны.

Она зашла...

И вот теперь лежит в его постели в московском доме на Чистых прудах, демонстрирует ту самую грудь с той самой родинкой и напряженно ждет, чем закончится разговор между супругами. И куда заведет их всех поворот, который так неожиданно совершился...

* * *

Нельзя сказать, что Виктор уже не любил жену. Любил. И, в общем, привык к жизни, в которой она была. И это был дорогой для него мир. Только он не был единственным...

Виктор давно, еще в юности, пришел к выводу о множественности обитаемых миров. Не тех, которые во Вселенной и за которые сгорел Джордано Бруно. Здешних миров. Тех, что возникают вокруг личности. Те, что во Вселенной, Виктора не интересовали.

Он родился в рабочем поселке. Именно тогда, в детстве... В те годы материального убожества... И не потому, что денег не хватало – отец, пока не умер, неплохо получал на своем заводе. А потому, что купить было почти нечего! В Москве, говорили, было все, из отпусков люди привозили красивые обновки, но у них в поселке... Здесь в дефиците было почти все.

Хлеб имелся, этого не отнять. Вот только маслом его уже с конца семидесятых мазали по праздникам. А чаще – маргарином обходились. Промтовары завозили, правда. Ковры в каждом доме были. Мопеды у мальчишек, мотоциклы у взрослых. Но деньги все равно оставались. Полно денег, на которые нечего купить. И многие рано или поздно начинали их тратить почти только на водку. Отчего и гибли безвременно...

Именно тогда, когда дефициты стали одним большим общим дефицитом, Виктор, почувствовав беспросветность такой жизни, и решил заняться экономикой. Наивно, конечно: он полагал, что достаточно получше изучить закономерности хозяйственной деятельности, чтобы

убрать диспропорции. Ведь люди и у них в поселке сильно трудились, не хуже, чем в Москве (н-да, усмехнулся бы нынешний Виктор).

Потом, конечно, наивность ушла. И он просто решил стать богатым. Чтобы уехать в Москву, купить себе машину, джинсы, дубленку...

А для этого нужно было стать хорошим специалистом, чтобы попасть не менее чем в министерство.

О министерстве все уши прожужжала мать. Однажды она выяснила, что ее одноклассница – «бл... полная, двоечница, понимаешь, Витя» – на каком-то курорте выгодно познакомилась. С москвичом из министерства. Вышла за него замуж. И с тех пор каталась как сыр в масле. Зачем-то тетка эта заезжала в их поселок... народ шептался – аттестат хотела переделать для какой-то надобности. Насколько это было правдой, неизвестно. Во всяком случае, столичная гостья не преминула посетить нескольких одноклассниц, у которых вела себя с фальшивым демократизмом, и чувствительно колола им глаза собою и своей удачей.

Мать на эти встречи не попала. Но тем большее влияние на нее оказали расплзавшиеся о них слухи. И с тем большей мечтательностью она говорила о том, как бы и ее сыну в Москву перебраться... Только учиться надо, настойчиво убеждала она, а там и на удачу рассчитывать можно...

Она успела вовремя остановиться в этих своих увещеваниях. А то было б хуже – он бы из упрямства начал с ней спорить и настаивать на своем. Что было бы глупо: Виктор и сам давно принял подобное решение. Провести остаток жизни так, как она идет в этом поселке, – о такой участи он уж точно не мечтал. Закончить школу и пойти на завод на мизерную зарплату. А после смены – столовая «Ласточка», по вечерам превращавшаяся в «кафе-ресторан». Там – стакан-другой. Вдоль железной дороги – домой. Ужин – телик... И на боковую, до завтрашних шести утра.

И снова – по той же колее. По субботам – танцы, ищущие девочки, тупое опьянение от «плодово-выгодного» с портвейном, наглость зареченских, драка, менты, дать деру, свой двор, розовый вермут, разговоры: «Не, ну, это, зареченский, подлетает такой... А я, типа, от этих отмахиваюсь уже... Я ногу – раз!.. Он, типа: «Борзый, да?» А я...»

И это – жизнь?

А потом какая-то пригласит на «белый танец». А больше ничего не надо. Дальше – «Погуляем?», скамейка, кусты, тихое сопротивление, «Ой!»...

И ополошный взгляд ее матери: «Что делать будем теперь, ребятки?» – и знакомая матери в ЗАГСе, и сплошное опьянение на протяжении недели, и образ в белом платье, и та же «Ласточка»... Все более и более нетрезвые крики «Горько!», дядь Сеня, наяривающий на баяне. Пьяный тесть лезет целоваться. Раздухарившаяся мать глупо пляшет русскую. Чья-то морда перед глазами, и что-то говорит, и ты не понимаешь, что говорит эта морда, но вдруг с громадным наслаждением погружаешь в нее свой кулак, и ноют порезанные о зубы костяшки пальцев... и в тебе нарастает жуть и восторг! И тебя оттаскивают, и хватают за руки, а ты все равно не понимаешь, кто это и что тут делают эти люди; и кто ты, и что делаешь ты; и где эта морда; и кто тот парень, на котором виснет эта толпа. И в одном общем гвалте непонятно, кто что говорит, и вдруг пелена спадает с глаз. И ты видишь, что виснут на тебе...

И становится гадостно и пусто, но кто-то уже подносит к твоим губам полный стакан, и ты опрокидываешь его одним махом... и все вокруг тебя кружится, и линолеумный пол при каждом твоём шаге опять и опять подкатывается справа...

Не-ет! Он себе такой жизни не желал.

И рвался из нее, из этой жизни, выворачивался. Как мать рассказывала, он во младенчестве все время выпрастывал кулачки из-под пеленок, в которые был завернут. «Спишь, – говорит, – смотрю, вроде и заворачивала тебя хорошо! – а вот они, ручки, выглядывают возле шейки! Ой, думаю, с характером парень у меня будет!»

«И кто бы мне объяснил, – подумал отстраненно Виктор, – как это может сосуществовать рядом – вот это знание этих вот девчонок с танцплощадки и как у них появляются дети... и эта нежность, когда такая же девчонка – твоя мать? Такое ощущение, что они и не предназначены никогда быть женами. Сразу назначены быть матерями».

И танцплощадки эти – не для любви. Так, что-то вроде специальных полигонов для размножения русского народа. Если от настоящей любви народ слишком отвлекают «Ласточки», то хоть для простого воспроизводства что-нибудь оставить... Танцплощадки.

* * *

– Послушай, зачем ты делаешь вид, что не узнаешь меня? Это некрасиво... Недостойно тебя.

Виктор оглянулся в недоумении и воззрился на девушку или, точнее, молодую женщину. Лицо казалось хорошо знакомым. Но глядело на него словно из-под воды, расплываясь и искажаясь под толщей прошедшего и случившегося. И образ никак не мог выплыть на поверхность настоящего, что мельтешило на эскалаторе станции «Баррикадная»...

Девушка не стала дожидаться, пока его воспоминания обретут ясность. Она резко отвернулась и торопясь побежала вниз, туда, где клубились два встречных потока людей.

Секунду Виктор стоял столбом, глядя ей вслед. Что-то показалось... Он рванул вниз. В конце концов, просто не успел разглядеть... Догнал знакомую незнакомку уже на перроне. Грубовато схватил за руку. Развернул к себе.

Девушка устало глянула на него, тяжело подняв веки.

– Господи, – смешался Виктор. – Я... Он помотал головой: – Я действительно тебя не узнал. Отвлекся, не успел разглядеть...

Незнакомка слабо улыбнулась:

– Уже неважно...

– Подожди, подожди, – торопясь, проговорил он. – Что-то... Я не делал вид... Просто... Вот уж не ожидал увидеть! Я знаю, что это ты, но...

Девушка молча наблюдала, не делая попыток уйти. Но помочь она тоже, как видно, не собиралась. В ее глазах все больше разливалась печаль.

Виктор лихорадочно рылся в мозгу, отыскивая вдруг пропавшие слова. Вспышками пронеслись какие-то имена, образы, лица...

Незнакомка все с той же тоскливой болью смотрела на него, прислонясь спиной к полированной мраморной стенке. А он что-то бормотал, уже не слыша сам себя, и все напряженнее всматривался в ее глаза. Печаль ее, казалось, стала проникать и в его душу. Словно фотография в старом проявителе, медленно, мучительно, тяжко в запутавшемся мозгу начало проступать почти забытое. Нет, не забытое! Убранное. В угол. В кладовку. В «темную комнату».

И образ начал всплывать... Настя. Тогда у нее были длинные волосы. Именно их отсутствие ныне сбilo его с толку.

В памяти Виктора отчего-то отложилось, что ее волосы золотистого цвета. Длинные, очень длинные. Они поразили, когда он в первый раз раздел ее в своей комнате... Когда она их распустила – до этого он всегда видел их собранными на голове. Волосы упали ей почти до колен. Пошутил даже: «Зачем тебе одежда? Прищепки расстегнула – и все закрыла». Она смеялась и легонько стучала его ладошкой по губам, то ли изображая смущение, то ли на самом деле смущаясь.

Как они были счастливы! Вот только потом эта нелепая ссора в Серебряном Бору. Господи, теперь и причину не вспомнить! А это была уже весна, за ней – выпуск, уход в работу, новая жизнь, новые дела. И новые женщины...

Все промелькнуло в голове в одну секунду.

– Настя!

Какой-то мужичок с досадой толкнул Виктора, чтобы не загораживал дороги. Тот слепо глянул на него, не заметив.

– Настя...

* * *

Солнце, как желтый мячик. Небо. Шпиль высотки. Протыкает голубизну острой гранью звезды, но круглый обрамляющий венчик мешает. И по-разгильдяйски растрепанные облака катаются по нему, как по колесу.

– Поехали в Серебряный Бор?

– Для чего?

– А знаешь, я потом пытался догнать тебя. Обежал все тропки. Как ты умудрилась так быстро уйти?

– Мне было плохо.

– А я обиделся, дурак.

Май, солнце, лужи на асфальте. Толкающееся стадо машин.

– Тогда тоже был май.

– Не вспоминай больше об этом.

Губы не хотят слушаться, расплзаются в глупой улыбке.

– Давай не поедим туда.

– Почему?

– Не хочу. Там было плохо тогда.

– Мы встанем на том же месте и проклянем его.

– Поздно. Столько лет...

– Тогда я знаю, куда пойдем. Поехали в центр. Там есть один прекрасный кабачок. Отметим нашу встречу.

Старые, пузатые дома, облепленные гукающими голубями. Потный гаишник на перекрестке. Зарывшийся в зелени особняк, перерезанный западным дизайном вывески.

Ты улыбаешься, Настя? Мало! Ты будешь смеяться, ты забудешь о том, что отвела себе и ему только час. Ты будешь удивлена, каким он стал. И не удивлена: а каким он еще мог стать? Впрочем, это неважно, верно? Главное – что он веселый, легкий, интересный. Так хорошо рассказывает... С ним тепло и раскованно. А как он улыбается!.. Снова все тот же Витька! Все тот же игривый леопард – со стальными мышцами и спрятанными до времени когтями...

Но сейчас он не играет. У него точно сегодня радость. И он не может вместить ее в себя. Неужели это ты, Настя, – его нынешняя радость?

Волнуется хвост длинной очереди. Везде исчезли. Здесь, в Парке культуры, остались. В очереди можно о многом поговорить. О том, как работала в разных фирмах и организациях, как справлялась с жизненными трудностями, как делала карьеру... И ничего – о личном.

* * *

Он один был такой среди других студентов. Кто там, в Плешке? Умные мальчики больших родителей, маменькины сынки и папенькины протеже.

За Настей пытались ухаживать многие из них. И у многих подчас были весьма ценные родители. Выйти за них замуж – на всю жизнь подписать самой себе билет в светлое будущее. Но она буквально уперлась в Виктора!

И ведь не назовешь это глупой девчоночьей влюбленностью! Все она прекрасно видела – и грубоватость его излишнюю, и ухватки пролетарские, и замашки диктаторские. И уж конечно, откровенно снисходительное, потребительское отношение к женщинам.

А уж то, что с его поселковым детством и соответствующими родителями и связями весь путь по жизни Виктору придется прокладывать самостоятельно, это было ясно, как солнышко на безоблачном небе.

И все же она выбрала его. Сначала разумом. Потом – влюбленным сердцем. Разум был холоден. Поначалу. Именно он увидел в интересном старшекурснике надежную основу для будущего женского бытия. Именно он спланировал, как правильно вести себя, чтобы заинтересовать избранника. Но он же стал вскоре предателем, и отирался где-то позади, прячась в тень, едва только сердце начинало распоясываться при виде любимого.

Нет, поправила себя Анастасия, конечно, не совсем все так. Сердце-то сердцем... А вот тело... Тело становилось горячим, когда они оказывались рядом. Оно не хотело слушаться ни сердца, ни мозга. Оно хотело этого мужчину – и все! И не желало слушать резонов...

* * *

Не подумал ли он чего лишнего? Это уже не та девочка-студенточка, что была влюблена в него, как кошка. Она – зрелая и опытная женщина. Да, конечно, когда-то она сама его «вычислила» и выбрала. Она сама применила свои чары, чтобы обратить на себя его внимание.

Но что ж – тогда она ошиблась. И она – она не собирается теперь ошибаться снова. В конце концов, за Энтони, что уже подбирался к ней через рестораны и приглашения переводить на переговоры, – за Энтони она всегда может выйти замуж. Чуть-чуть преодолеть себя...

И когда Виктор, посадив ее в какое-то подобие карусели и сев рядом, уверенно положил ей руку на плечо, Анастасия немедленно освободилась, мягко отодвинувшись в сторону.

– Прошлого нет, дорогой. Я тебе и о жизни своей рассказывала, чтобы ты понял, – я и без тебя прекрасно существую.

Прошлое прошло. Но Вите тяжело противиться, когда он берется за тебя всерьез. Он... он охватывает. И он, негодяй, знает этот аттракцион. Знает, с какой стороны садиться. Через минуту, когда карусель разгонится, только уж очень упорное сопротивление победит центробежную силу.

А Настя никак не может решить, сколь велико должно быть это упорство.

Пока она размышляла, карусель начало подкидывать на пластиковых волнах, и под сводами павильона множился восторженный визг. Силы природы решали все за нее. Крепкая рука Виктора надежно обняла плечо бывшей возлюбленной.

– Слушай, я давно не делал глупостей!

– М-м?

– Я полжизни уже не бросал все.

– Ты бросал меня.

– Мы можем вернуться в то прошлое. И начать снова.

– Не поздно?

Чуть запыхавшись, они вышли к набережной. По реке, вздыхая и ворча, натужно плыл пароходик. Робко тыкались в замасленные камни набережной желтые окурки.

Постояли немного на берегу, поговорили о реках, о пароходах, об окружающей среде. Потом зашли в беседку, что прилепилась над водой. Виктор уверенно положил руку Насте на талию. Она не заметила. Очень увлеченно рассматривала здание штаба Сухопутных войск на противоположном берегу. Красивое здание, да.

Помолчали. Мимо с какой-то даже демонстративной гордостью прошлепал еще один пароход. С него лился речитатив на тему того, что кто-то на ком-то любит каждую трещинку. На палубе курили.

К беседке подошли трое сморщенных дядек. Виктор смерил их мрачным взглядом, но на дядек это не произвело впечатления. Одни из них полез в продолговато оттопыривающийся карман.

Виктор спрыгнул вниз, снял Анастасию. Вознамерился было так и идти, обнимая ее за талию, но та вежливо, но решительно высвободилась.

На Воробьевых горах было почти пусто. Лишь в кустах спал какой-то мужичок, натянув на лицо кепку. Нога его в замызганном ботинке время от времени шевелилась.

Сверху спящего внимательно рассматривали два правоохранителя. Потом один из них начал спускаться.

Пьяный невнятно замычал, вяло отмахиваясь. Из его горла начали пробивать себе дорогу вольные звуки богатой русской речи.

Однако на правоохранителей эти орфоэпические упражнения не произвели впечатления. Не менее выразительно отвечая, они начали поднимать пьяного наверх. Пьяный – не бомж, с которого нечего взять. Пьяный – ценная добыча.

Слушать обмен мнениями между противоборствующими сторонами было не очень приятно, и Виктор поспешил увести Настю подальше. Их провожало затихающее обиженное бормотание и полный надежды мат слугителей закона.

Над лежащей внизу Москвой висело облако обыденного серого смога. Золотились купола Новодевичьего, сквозь дымку кое-как виднелся Иван Великий. Справа копошились люди на ремонте метромоста. Над ними катились машины, как деловитые букашки.

– Витя, мне уже пора, – опомнилась Анастасия. – Мне еще очень много делать.

В голосе ее, однако, недоставало решительности.

Виктор посмотрел на нее. На нее давно никто так не смотрел.

– Витя, ну мне правда пора, – просительно сказала Настя, глядя на молодого мужчину. – У меня завтра семинар...

– У тебя завтра я.

– Ты много на себя берешь, – сказала она. Но в ее голосе недоставало уверенности.

Блестели окна гостиницы «Юность». Или бывшей гостиницы – Анастасия не знала, что там сейчас. Рядом не менее активно отблескивал кубик офиса французской косметической фирмы.

По реке проплыл еще один – издали уже очень уютный – пароходик, морща за собой воду.

– Я беру на себя тебя, – сказал Виктор, стоя чуть сбоку и за спиной. Она не видела его лица.

Было тихо и сонно. Начинало темнеть. Шпиль Университета осветили прожекторы, и он вонзился в небо, как ракета. Когда-то они гуляли здесь. И валялись в траве в этом то ли парке, то ли лесу между университетским стадионом и Воробьевыми горами...

Он слишком уверенно сказал... Тем более она не должна растаять сегодня. Он слишком уверенно ведет себя. Но это он не узнал ее в метро...

Где-то на деревьях попробовал голосишко соловей. Анастасия вдруг замерла:

– Ой, Витя... Я так давно не слышала соловья!

Это было чудо какое-то. Откуда он взялся тут, в Москве?

Виктор посмотрел на нее. Настя затаенно улыбалась, подняв лицо.

Трава под деревьями была густой и пахучей. С этой полянки соловья было слышно отчетливо.

Настя села в траву по-турецки. Виктор повалился рядом с ней. Сорвал травинку, поднес к лицу, растер между пальцами. С наслаждением вдохнул запах зелени.

Соловей пел, казалось, только для них.

– Настя, – глухо позвал Виктор.

– Ты нашел наконец, что сказать мне? – отозвалась она.

Зря. Зря – так. Но он был мужчиной. А она привыкла так разговаривать с мужчинами.

– Я не искал.

Пауза.

– Я просто помнил.

– Ты помнил – что? Меня ведь ты не помнил...

По левой штанине его джинсов деловито ползла божья коровка. На полпути она остановилась, расправила крылышки и пропала.

– Ты не вернешься, сказала ты тогда.

– Ты меня не любишь, сказала я тогда тоже.

Боже, зачем она упрямится! Ведь все эти годы она ждала его!

– Да. Ты сказала так...

Он взглянул на нее черными, будто вода в колодце, зрачками.

– Ты была права. Я не чувствовал боли тогда, в Серебряном Бору. Я чувствовал потерю, но боли не было. Я словно сидел на чужом месте в кино, и тут пришел контролер и согнал меня. Я освобождал место возле тебя тому, кто мог любить тебя сильнее. До боли.

В душе у Анастасии будто что-то упало, нечто давно накренившееся, и разбилось.

– Мне казалось, что и ты не меня любила. А то, что создала из меня в своем воображении. Любила мечту свою... Поставила меня на определенное место в душе... а место оказалось чужое...

Какие же мужики дураки! Даже самые проницательные!

Он... да, он верно уловил то, что было в ней вначале. Да, она немножко создала его в себе – и затем завоевывала шаг за шагом.

Вот только в ходе битвы нападавший сам постепенно становился жертвой. Война шла по обе стороны фронта – оказалось, она завоевывала место и в своей душе. Ему. Для него. И когда они расстались, именно ее душа осталась оккупированной...

– Поэтому ты постарался забыть меня.

Господи, ну кто ее за язык-то тянет?

– Я не старался, – торопливо ответил он. – Из всех девчонок из института в памяти сохранилась ты одна. Ты только далеко спряталась...

– Так далеко, что ты не сразу узнал. Хотя смотрел прямо на меня, когда разговаривал по телефону...

Он усмехнулся – осторожно, чтобы не задеть.

– Глаза были повернуты вовнутрь, только и всего. Проблемы у меня...

Помолчали. Казалось, он подыскивал слова.

– Я побежал тогда за тобой. Я быстро остыл. И побежал искать тебя. Но не нашел. Хотел подойти на следующий день. Но подумал, что так лучше. Я не был готов к любви, а ты могла еще встретить своего принца. А я им не был. На яхте с алыми парусами я был бы в лучшем случае боцманом. Зачем возвращаться? Чтобы принести разочарование, раскаяние? Ведь я сидел на чужом месте. И однажды ты это поняла бы. И до конца жизни мучилась сознанием совершенной ошибки?

Глупое положение... А ты знаешь, я не люблю глупых положений...

Эх, разлетелись осколки от чего-то разбитого в душе... Для чего он это снова говорит? Чтобы оправдать новый свой уход? Вот сейчас, через минуту?

– Пошли, – сказала Настя.

– Подожди капельку, – Виктор положил руку ей на руку. – Еще одно слово, – сказал он.

Помолчал тяжело.

– Я все эти годы не заглядывал в карман. А сегодня вдруг увидел, что тот билет в кино был в нем. Все эти годы лежал. Я зря испугался контролера. Я ошибался. И уступал неведомому другому свое место. Свое. И только сегодня я это увидел...

Настя сидела замерев.

– Ты сказала тогда: «Ты не вернешься...» Настя, я вернулся.

Она вздохнула.

– Ты знаешь, сколько серий прошло в том кино, пока ты не заглядывал в свой карман? – спросила она.

– Настя... – сказал он. – Настя, – повторил он. – Настя, позволь мне вернуться...

Лариса Владимирская кипела всю дорогу, пока ехала домой после столкновения возле супермаркета. «Твари, твари, твари!» – в отчаянии извивалось в ее мозгу только одно слово. И еще – что-то неопределенное, но сводящееся к одному простому решению: «Ну, я вам задам!»

Ее редко кто так унижал. Было дело, еще в школе. Когда она писала записочки с признаниями в любви одному из одноклассников. А он втайне заключил пари с приятелями, что сумеет раздеть ее при первом же свидании. И сумел, скотина! Хорошо еще, на большее она тогда не согласилась! А в это время приятели его фотографировали их через щелку двери из соседней комнаты.

Фотографии потом всплыли в школе...

Но ничего, она славно отомстила! Спорщика подстерегли ее знакомые ребята. Из шпаны. Из ее двора. И поставили гаденыша на такой счетчик, что тот был вынужден сначала едва ли не половину родительского имущества из дома вынести, а затем связаться с перетасовкой наркотиков. На чем и погорел, попав в колонию.

Ларисе не было его жалко. Точнее, она и не собиралась его жалеть, ни в коей мере не заботясь о соразмерности проступка и наказания. Зато это было величайшим счастьем – посетить его в изоляторе временного содержания и подарить ему свою давешнюю фотографию с нерезким отображением груди!

Правда, ей пришлось стать «своей девчонкой» для Сереги, предводителя той самой дворовой шпаны. Но она об этом не жалела. Во-первых, с ним она извела первые радости настоящего взрослого секса. А во-вторых, получила массу жизненных уроков, которые ей потом не раз и не двагодились. И прежде всего это были уроки воли. «Я хочу!» – это должно было становиться законом не только для себя, но и для окружающих.

И вот теперь она чувствовала себя униженной. Униженной этим коротким страхом, когда та стерва поднимала над ней острые скобы. Униженной своей собственной спонтанной реакцией – убежать. Своей растерянностью перед силой – она ведь давно привыкла подчинять чужую силу себе.

Именно так она поднялась в свое время в Москве.

Когда дворовый Серега за что-то сел – как раз ко времени окончания ею школы, – Лариса отвергла все поползновения со стороны его наследников заменить вожака. И отправилась в столицу. К этому времени она уже знала, что и как нужно делать в жизни. В жизни нужна сила. Эту силу надо кропотливо копить. Чтобы затем применять ее для делания новой силы. И так далее.

Она в этом смысле очень полюбила фильм «Брат». Не то чтобы ей близки были эти бандитские стрелялки – хотя они тоже неотъемлемая часть силы. Но сама идея, что в большом городе сосредоточена большая сила, ей нравилась. Вот только не прав был Бодров. А прав немец. Не слабые все в городе. Просто одни умеют впитывать его силу, а другие – нет. И тогда она их давит, высасывает. Ей же, силе, тоже надо чем-то себя поддерживать. Хотя бы для того, чтобы затем отдаваться сильным.

Более того, Лариса приходила к выводу: если слишком много сильных, они могут истощить этот источник. И вокруг снова воцаряется слабость. Ей не было дела до политики, но именно этим, убеждена была молодая покорительница столицы, объясняется крушение Советского Союза.

Город потому показался слабым тому парню, которого играл Бодров, что он не приник к его источнику. Хотя ведь давали ему возможность. И с музыкантами он знакомился, и с режиссерами, и с местными авторитетами-криминалами. Но он всем себя противопоставил, начал со всеми драться. Всех обидел, никого не упустил. Оно бы тоже правильно, если бы ставил перед собой цель занять их место около источника силы. А он связался со слабаками, с бомжами кладбищенскими, с трамвайщицей какой-то... С братцем своим недоделанным. Вот и был вынужден бежать из города. А ведь он бежал, бежал...

Лариса ехала в Москву, не формулируя этого тогда еще так определенно. Эти мысли вообще оформились позже. Когда она уже жила с Ринатом, и они как-то под хорошее вино лениво косили глазом в телевизор, где как раз повторяли это кино. Вот тогда и зашел легкий спор по поводу главного героя. И там возникли вот эти мысли.

Ринат посмотрел на нее с новым выражением лица, тут же пообещал свести со знакомыми киношниками. «Тебя вообще пора вытаскивать в общество, – сказал он. – Тут думать не любят, но обожают новые толкования».

Вот уж что-что, а толкования находить она умела! Именно потому довольно быстро поднялась с места секретарши отдела в газете – «Ларисочка, вот нам тут писатель Геллер интервью дал, у него, правда, как всегда, словесный понос, но расшифруйте, пожалуйста, и мне на стол положите, я уж сама сокращу...» – до уровня корреспондента, который сам берет такие интервью. Хотя даже диплома у нее не было.

Это был обходной путь – через газету. Собственно, цель однозначна – выбрать себе в Москве мужа с богатством и связями. А дальше уже смотреть, что из этого получится. Можно жить с ним, если покажется к месту. Можно развестись через какое-то время и вести жизнь свободной женщины. Умело только надо развестись, чтобы деньги за тобой остались. А можно и жить с мужем, и завести любовника из светской тусовки, чтобы деньги сами липли – просто в силу связей и общих интересов.

Лучше всего начинать прямо с этих тусовок. Но Лариса была умницей, она сразу поняла, что это ей ничего не даст. Девочки из тусовки – это не более чем девочки *для* тусовки. Ими пользуются, как расходным материалом. Как она, Лариса, пользуется картриджем для принтера. Вроде есть он, служит себе, а как кончается – другой заказывают, а этот, использованный, выбрасывают и забывают. На тусовках девочек подбирают на одну ночь, максимум – на пару месяцев. Рассчитывать на фантастику: типа, что богатый, молодой, неженатый – этакий Боря Ельцин-внук – влюбится и женится на девочке, по которой прошло неведомо сколько рук... Нет, на это Лариса не могла и не собиралась рассчитывать.

Доступ «к телу» богатенького олигарха она должна была получить на равных. А раз это было пока невозможно – где ей было взять столько денег? – то надо было выйти на цель в составе какой-либо уважаемой корпорации. Бандиты отпадали, оставалась журналистика.

Через пятых-восьмых знакомых удалось устроиться в «Литературку». Там как раз одна девочка поступила учиться, и оказалась свободной вакансия секретаря. Это, по тогдашним наивным представлениям Ларисы, было уже немалым успехом. Вокруг умные молодые журналисты, интеллигентная, но слабая среда, постоянное общение с политиками и писателями... Там она найдет себе место!

Действительность опровергла ее планы. «Литературка» оказалась уже газеткой загибающейся, чуть ли не умирающей. Зарплаты были маленькие, их задерживали. Уважаемые журналисты из газеты поразбежались. Оставалось либо старичье, доживающее до пенсии, либо молодые, подающие надежды будущие «акулы пера». Вот только Ларисе будущие были ни к

чему. Жить нужно сейчас. Был, правда, грех, нравился один, даже отдалась ему как-то после вечеринки прямо на полу в чужом кабинете... фу! Но что ей в том сексе? Не ребенка же от «будущей надежды» заводить!

С писателями... Тут жизнь тоже быстро показала ей всю ее наивность. Писатели по нынешним временам тоже обнищали. Убиваться год над книгой, чтобы получить шестьсот долларов, – это надо быть фанатиком. Или сумасшедшим. Или существом с заниженной самооценкой, которое находит себе сублимацию в изобретении других реальностей, где расписывает себя великим. Как выразился один из них в каком-то очередном интервью: «Когда я пишу, я чувствую себя Демиургом!» Слово-то какое дурацкое! Она даже не поняла, о чем речь, ибо тогда не знала смысла этого понятия. Но посмотрела в словаре и от души расхохоталась. Этот вот, с застывшей на лице печатью импотенции, – Демиург?

Словом, серьезно зарабатывающих на литературе оказалось крайне мало. И в большинстве своем это были подчас пренеприятные тетки, строгающие чудовищные бабские детективы. Значит, вариант с писателями следовало отсечь. Что Лариса мгновенно и сделала.

Вообще, она поняла к тому времени, что литература, журналистика, телевидение – это все ерунда. Они – обслуга. Они питаются объедками настоящей силы. Если вообще не тем продуктом, что та оставляет после переработки пищи. А пищей этой настоящей силы была... сама сила. Та самая, которая энергетизировала Москву. Которая собирала вокруг себя деятельных людей. Которая пронизывала жизнь людей деятельных.

Деньги?

Лариса потому и стремилась иметь их, что всю жизнь ее бесило именно это – их недостаток. Когда родители жалко лепечут – или грубо орут, от отчаяния, – что нет денег, неоткуда взять, а зарплату задерживают! Когда тебе не хватает на новую модную юбочку и ты униженно пытаешься что-то сшить сама из найденных в древнем чемодане на антресолях еще советских «ситчиков». Когда одноклассница рядом с тобой запросто достает тысячу, хотя вам и надо-то – купить колы за пятьдесят. А у тебя и пятидесяти нет. Есть только мелочь, сэкономленная на утаенных от родителей сдачах.

Ларисе до смерти надоело такое существование. И представить, что это будет длиться вечно, до конца жизни, она просто не могла. Лучше удавиться сразу. Тогда она действительно четко понимала: сила – это деньги. Или наоборот: деньги – это сила.

В конце концов, и врага своего тогдашнего она уничтожила через деньги. Но! Но – благодаря себе. Именно она, лично она, смогла настроить эту силу, направить ее и использовать так, как это было нужно ей, Ларисе, а не силе.

Тогда она лишь смутно начинала догадываться об истинных взаимоотношениях между силой и деньгами. Но только здесь, в Москве, окончательно узрела подлинную связь.

Сила – не деньги. Деньги в этом раскладе всего лишь инструмент. Сила их использует. Как молоток. Или как ключ. А сама сила... сама сила... это воля человеческая. Это характер. Те, кто заработал за эти годы перемен, заработал не потому, что ему повезло. Везучие быстро все растеряли. Или их застрелили. А эти – эти заработали не только благодаря везению. И не столько. А потому, что хотели. Имели для того волю. И использовали для того характер. Они захотели – и стало так, как они захотели. А ведь характера нужно было более чем много! Поначалу-то вообще война шла! Стреляли на ней, отравляли, в бетон закатывали! Топили в переносном и буквальном смысле. Так что те, кто не только выжил, но и остался с капиталом, – с ними и сила. И они тоже – сила. И деньги для них – всего лишь инструмент.

И Лариса начала искать пути в эту силу. Журналистика, телевидение – это все ступеньки. При самом удачном раскладе здесь тоже можно заработать, какие-то незначительные деньги, которые позволят тебе удовлетворять свои нужды, но... Но не дадут управлять силой.

Что могла сделать она, одинокая девчонка в огромном чужом городе? Секретарша, ставшая репортеришкой? Да все! Ведь она была женщиной. А у женщины есть своя сила и свои

инструменты для достижения цели. От одного из интервьюируемых она однажды услышала, а потом нашла книжку и сама вычитала фразу: «Мужчина управляет вселенной, а женщина – управляет мужчиной». Так и есть. В этом – миссия женщины. В этом ее искусство.

И Лариса стала осваивать это искусство управления. Начавшееся, как оказывается, с того первого эскиза в их дворе с по-своему забавным и наивным пригородным бандитом. И закончившееся – или пока закончившееся – на банкире Владимирском, пожилom и некрасивом дядьке, имеющем, однако, достаточно силы, чтобы заставлять выполнять свои желания.

К нему Лариса и пошла, едва услышала, как тот подъехал к дому.

Глава 3

Настя аккуратно положила успокоившегося Максимку в кроватку. Он еще не понимал, что сегодня он спас своей матери жизнь. Она ведь – всерьез, всерьез, всерьез! – собралась вскрыть себе вены! И просто забыла, забыла о сыне! И если бы не обиженное, надсадное младенческое кряхтение из детской...

Безумие! Она, Анастасия Серебрякова, домохозяйка, мать и бывшая бизнесвумен, впала в безумие! И чуть не убила себя! И спас ее ребенок. Младенец двух месяцев от роду! А ведь его могло не быть, Максимки!

После выкидыша мысль о новой попытке завести ребенка пугала ее. Да, годы не ждали, они теснили ее железным, латным легионом. Но врачи опасались, а сама Анастасия долгое время не решалась вообще ни на что. Слишком больно все было. И не столько физически.

И лишь когда начались – какие-то сначала мелкие, потом все крупнее и крупнее – недо-разумения, недоговоренности, недопонимания с мужем, беременность показалась ей спасательным кругом, за который она может ухватиться в попытке укрепить расплывающуюся, как дрожжевое тесто, семью...

Но ничего не удалось спасти. Было лишь хуже. Витя все отдалялся – надо полагать, у него уже была эта баба... У самой Насти усиливались боли – как их назвал психотерапевт Антон, соматические. Сама беременность тяжелая – не девочка, чай, уже...

И муж... При первом известии, что началась новая беременность, Виктор был счастлив. Но затем как-то снова отдалился... Потом вроде бы опять сблизился. Потом она лежала на сохранении и буквально изгладывала себя мыслями, как он там... А он заходил три раза в неделю, приносил ничего не значащие цветы и фрукты. И меньше чем через час уходил снова. Его можно понять – там дела. А за час с болящим человеком все новости по три раза обсудить успеешь. И все же как он не понимал, что ей так одиноко, так одиноко!..

А потом был искренне счастлив, когда встречал их с Максимкой из роддома! Муж надышаться не мог на сына. Он имя ему дал, которое давно вынашивал – говорил, лучший друг у него был сначала в детстве, а потом в армии по имени Максим.

И первый месяц, казалось, их прежняя семейная радостная жизнь полностью вернулась! Витя сам и купал сына, и очень скоро после рождения начал учить того плавать... Сам сделал шапочку с валиком вокруг лица, куда завернул и зашил куски пенопласта... Максимка не желал купаться, тем более что Витя начал постепенно класть его во все более и более прохладную воду... Закалял, говорил. И вот один кряхтел и хныкал, другой его басовито приструнял – дескать, мужиком должен расти, закаляйся... а третья суежилась вокруг и кудахта... но была втайне счастлива до умопомрачения! И ужасно хотела его, своего мужчину... но, жаль, нельзя ей было тогда, врачи не разрешали...

А потом снова все разладилось... И закончилось нынешним вечером... Или... Или, может быть, началось все раньше?

* * *

Когда это началось? Невозможно сказать определенно. Невозможно выделить какой-то один день. Или какое-то одно событие. Любовь уходила постепенно.

Может быть, вот это? Хотя и событием-то не назовешь...

Просто день был такой... Он складывался не то чтобы неудачно. Просто должен был быть другим. Более... осмысленным, что ли... ибо Серебряков горел. Горел, не успевая решить важнейшее дело. И самое неприятное было, что вместо этого приходилось решать и организо-

вывать массу других, посторонних. Но тоже неизбежных, требовавших внимания, по которым он опять не успевал, и это было критично, потому что срывалась сдача нового заказа, причем очень удачного.

Ему почти что удалось продать «самовары в Тулу». Иначе говоря, получилось убедить не кого-нибудь, а самих иорданцев заказать довольно крупную партию товара. Причем отбил он этот заказ у англичан. Которые почти что даже подписали с Амманом протокол о намерениях. И самое во всем издевательское было то, что деколи на эту партию он взял как раз... у англичан же! Правда, у других.

Виктор очень гордился собой. Ведь все удалось благодаря практически только лишь его хорошо подвешенному языку! Ведь совсем символически упали в цене относительно английского предложения. Только лишь для того, чтобы формально обозначить выигрыш негласного тендера.

Но он умел неподражаемо точно произносить по-арабски «иншалла». Когда иорданцы в первый раз слышали это – «если будет воля Аллаха», то заулыбались: «Вы говорите прямо как правоверный!» – «Я уважаю ислам, – нашелся с точными словами Виктор. – У нас в стране четверть мусульман. И у меня много партнеров, которые придерживаются этой веры. На их честность всегда можно положиться».

Польстил, конечно. Партнеры-мусульмане у него были, как не быть. Но честность, скорее, зависела не от религии, а от национальности. На честность татар он действительно мог положиться всегда. С остальными... тут, как говорится, градация была широкой.

И арабы знали, что он им польстил. Безукоризненная честность в число их национальных достоинств не входит. Но это все равно было им приятно. Особенно на фоне высокомерных британцев, которые, по словам партнера-иорданца, впавшего в откровенность у себя дома, были вежливы настолько противно, что от них за версту несло неистребимой надменностью.

«Вы, русские, нам ближе, – сказал араб. – Вы тоже себе на уме. Но вы умеете быть друзьями. А они – только господами».

Как бы то ни было, Виктору удалось договориться с иорданцами на весьма интригующий – особенно, если принять в расчет перспективу на будущее – заказ. И вот теперь он не успевал его выполнить!

Застражили на границе две фуры. И Алла, его логист, вместо того чтобы опрометью срываться туда и решать вопрос на месте любой ценой, два дня потеряла на какие-то поиски путей к таможене. Причем не доложила ему, а пыталась ликвидировать проблему собственными силами. Не желала-де обременять шефа делами, за которые в состоянии ответить сама!

В результате схема начала разваливаться. А собирать ее заново было катастрофически некогда. Вместо того чтобы решать вопрос, Виктор должен был полтора часа потерять, чтобы встретиться со Светланой и Александром. У тех болезненно завис вопрос с налоговой, и нужно было, чтобы он срочно просмотрел ряд бумаг.

В это же время позвонили из Издательского дома Андреева. Там надо было бегом-бегом утвердить рекламный материал в журнале «Анфас». А пиар-менеджер был в это время в Екатеринбурге, налаживал там взаимодействие с местной прессой. Пил, собака, таскаясь по кабакам, – вот и все взаимодействие! И просмотреть верстку тоже надо было немедленно, сегодня, ибо журнал завтра уходит в печать. Ерунда, конечно, полчаса на мониторе и пара исправлений – но сегодня, сегодня! Сегодня, будь оно неладно!

А время таяло! И неумолимо надвигался час, когда надо спешить на важнейшие переговоры. И тоже не отменишь – в деле были люди со Старой площади. А для этого надо успеть метнуться в офис, взять необходимые бумаги – а слетай-ка быстро до «Авиамоторной» по этому проклятому шоссе Энтузиастов!

А там Юлька: «Ой, Виктор Николаевич, не убегайте секундочку! Тут вот немцам ответить надо, Халеру, он буквально мне весь провод оборвал, когда, говорит, будет ответ на его письмо!»

И по пути еще надо подхватить Вику, которая нужна на переговорах не только в качестве маркетолога, но прежде всего – длинноногой блондинки, умеющей улыбаться так, что партнеры торопятся снять с себя последнюю рубашку.

Точнее, цинично определила свои качества однажды сама Вика, они торопятся рубашку снять с нее. А с себя – штаны. Но почему бы и не подать надежду, если это необходимо для дела...

* * *

Основания для гордости у Вики были. Тело у нее было роскошным, и любить она умела. Виктор это знал – еще с тех пор, когда, чуть подвыпив на их корпоративной встрече Нового года, она увела его в свой кабинет и там, плача, горячечно шептала: «Я люблю вас, Виктор Николаевич! Я люблю вас!» И раздевалась, и раздевала его, почему-то его же и утешая: «Это ничего, Виктор Николаевич, это ничего, я завтра уволюсь, это ничего...»

И он гладил ее, и утешал сам, и целовал в мокрые глаза, и исполнен был какой-то ослепляющей благодарности, и не мог, и не хотел ничего прерывать, не хотел до смерти оскорблять эту девочку, хотя дома была Настя, и он любил ее...

Конечно, не дал он Вике никуда уволиться. Знал, знал, разумеется, что для деловых отношений это будет серьезным ударом. Он, кстати, поэтому никогда не заводил иных, кроме служебных, отношений на рабочем месте. Даже когда не было Анастасии и он, в общем, монашеских обетов не придерживался. Но если хочешь на работе иметь работу – не имей никого, кроме работы. Это было железное правило. Ну, почти железное. Если не считать Вики. Но и та со своей стороны больше ничем его не нарушила. Хотя не знала про правило. И уж Серебряков, разумеется, никоим образом не стремился о нем рассказать тогда, когда они судорожно-счастливо любили друг друга на кожаном диванчике. И утешали, и прощали, и оправдывали...

Когда на следующий день, в последний рабочий день года, она, сухая и затянута, положила перед ним заявление об увольнении, он просто встал из-за стола, подошел к ней, крепко прижал к себе и сказал:

– Викулька, этим ты все равно не сделаешь случившееся небывшим. И я не хочу его таким делать. И не хочу тебя никуда отпускать, хочу, чтобы ты, как очень близкий друг, всегда была рядом. Если это не будет тебе самой неприятно...

– Друг... – прошептала она.

– Да. Друг. Но близкий, – потерся Виктор носом о ее щеку. – И в моем сердце очень много места для тебя. И раньше так было, поверь, – он поцеловал ее. – Ты вон какая красивая, и уж поверь мне, развратному негодяю, я с самого начала сам хотел затащить тебя в постель...

Это было действительно так. Как верно было и то, что Серебряков вполне эффективно выкидывал это желание из головы. Но он хотел еще и избавить девочку от чувства вины – ведь после этих его слов она превращалась в женщину, которая просто однажды уступила. Так ей будет легче.

– Но у меня есть и другая любовь, ты знаешь, – продолжил он. – И вот обстоятельства, они... гораздо более узки, чем сердце. Мы не можем их изменить. Но мы можем оставаться рядом, если ты не против. И я прошу тебя остаться...

Черт его знает, прав он был так или нет... Близости с Викой у них больше не было. Отношения оставались дружески-служебными. Но он знал, что на нее всегда может положиться. А что творилось у нее в голове и сердце, не было ли ей мучительно общаться с ним лишь по служебной линии – этого узнать было нельзя. Вика неслужебного интереса к шефу больше не

показывала, душу не раскрывала, попыток выйти за рамки принятых отныне отношений не делала.

Работала хорошо. Правда, и подниматься выше начальника службы маркетинга ей было уже некуда. Так что мимолетный служебный роман не окончился ни одним из классических вариантов. Ни замужеством, ни карьерным ростом. Ни даже увеличением зарплаты: маркетологи сидели у него на заказах и были, по сути, отдельным хозрасчетным подразделением. И Вика зарабатывала в зависимости от того, сколько нарабатывала. Всем своим отделом.

Замуж она вышла через год. И... ничего не изменилось...

* * *

У двери в квартиру нажал кнопку звонка. Тот проблямкал в глубину холла, затихая. Ключ был, но издавна у них в семье принято было, чтобы возвращающийся домой вызывал того, кто пришел первым.

Настя открыла дверь, чмокнула в щеку.

– Проходи, – сказала она. – Устал?

– Устал, – согласился Виктор, снимая туфли.

– Ну, отдыхай, – уже отворачиваясь, молвила жена. – Я сейчас, только передачу досмотрю! Там на кухне Мария плов приготовила, если хочешь, подогрей...

И ушла в гостиную.

Виктор снял обувь, повесил куртку. Прошел в ванную, вымыл руки. Душ бы принять.

– Опять, поди, ерунду какую-нибудь смотришь, – проходя мимо открытой двери, сказал он весело. Постарался сказать весело.

Жена промолчала.

Он переоделся в домашнее. С душем – ладно, вечером. А вот поесть действительно было бы неплохо.

Плов уже остыл, но выглядел аппетитно. Виктор зажег газ, перемешал содержимое сковородки. Телевизор включать не хотелось. Хотелось тишины.

Он сходил за книжкой – когда было время, он читал «Историю Кавказской войны». Завораживающее было чтение! Он внутренне и плакал, и смеялся, как мало изменилось с тех пор на Кавказе! То есть изменилось все. Внешне. И совсем не изменились тамошние народы... Он-то их повидал...

Есть и читать одновременно, говорят, вредно. Что и не преминула заметить ему Анастасия, выйдя наконец на кухню.

– В моем возрасте уже поздно об этом думать, – невнятно ответил Виктор. – Весь возможный вред уже нанесен.

– А чего ты бурчишь? – тут же вскинулась жена. – Я же о тебе беспокоюсь!

– Да я не бурчу, – он сделал попытку ласково потрепать ее по попке. – Это я жую...

– Тогда брось книжку, – велела Анастасия. – Я же с тобой разговариваю.

Внутренне вздохнув, Виктор отложил книгу.

– Ну, что у тебя сегодня было? – спросила жена.

Раньше они всегда рассказывали друг другу свои дела до последних подробностей. Поэтому Анастасия хорошо знала его производство, персонал, основные проблемы, с которыми он сталкивался. Но со временем эта привычка как-то сошла на нет. То ли интерес слушать пропал у нее, то ли интерес рассказывать – у него. Эти разговоры все равно никак не аффекировали их семейную жизнь, не затрагивали и ничто в ней не меняли.

Откровенно говоря, ему тоже было... Никак ни до ума, ни до сердца не доставали ее рассказы. Что она купила сегодня, что произошло у какой-то Вигги и что посоветовали в фитнес-центре, чтобы еда меньше воздействовала на фигуру. Подчас действительно казалось, что

с Викой их связывало больше общего, нежели вот с этой женщиной, озабоченной какими-то совершенно чуждыми проблемами... Но это была его женщина, и он ее любил...

– Да ничего особенного, – пожал плечами Виктор. – Не успел вот только ничего... Какие-то, понимаешь, неотложные дела навалились. У Алки фуры на границе застряли. А тут горят дела с иорданцами...

– Бедненький мой, – нежно сказала Анастасия. – Ну, поешь, приходи в гостиную, еще поболтаем. Не буду тебе мешать.

«Поболтаем»! Да, «бедненький», подумал Виктор. Твои дела для нее – лишь «поболтаем»...

Вспомнил, как часто она стала спрашивать: «Что ты опять за своим компьютером? Почему ты со мною не говоришь?» А ответишь – следует: «А почему ты так грубо отвечаешь?» Даже если просто попросил не мешать. Или подождать, пока допишешь или досчитаешь.

Можно не ответить. Это еще хуже. Кажется, что в последнее время ее вообще все в нем раздражает. Странно. Ведь в постели она вполне нежна и страстна. И благодарна, это видно. Потому что он умеет это – вызывать у нее оргазм. Да такой, что, в отличие от многих других женщин, которые ждут каких-то завершающих ласк, она дрожит и умоляет к ней не притрагиваться. Как током бьет, по ее словам.

Так почему, где и когда их отношения после пяти лет совместной жизни зашли в тупик?

Да, конечно, он работал. Когда они снова встретились, уже был завязан на большой бизнес. Ну, пусть на средний. Но мог позволить ей не работать. Чем она поначалу с удовольствием пользовалась.

Вот только куда она растратила эту свою свободу? Выразила желание рисовать. Хорошо, устроил ее на курсы, купил мольберт... Несколько акварелей – и все.

Может, компьютерным дизайном заняться, терзала она его вопросом несколько недель. Хорошо! – купил ей специально «заточенную» под дизайн машину. Не в каждой журнальной редакции такая есть. Дал ей заказы для деколей. Пусть порисует цветки, он потом испанцам закажет их сделать. Оформила чашку с блюдцем, убедила себя, что бесталанна, – тоже забросила.

Попробовала оформлять дачу. Месяца полтора оживленно щебетала о своих проектах и задумках. Бригада молдаван, что он нанял, с ног сбилась, воплощая все это в жизнь. Потом дело само собой застопорилось. Уже ему, Виктору, пришлось дослеживать за тем, чтобы хоть начатые работы были завершены.

Конечно, и он тогда не мог ей уделять много внимания. Может, если с ней был рядом в ходе всех этих поисков самоидентификации, тогда она за что-то зацепилась бы? Но он в то время много работал. Тогда проблемы были, чуть бизнес не потерял. Половину средств вытащил, а половина... А половина у Владимирского, гада, осталась. Умер банк «Факториал», что сделать, все потеряли, а Владимирский потихоньку новый банк открыл.

А может, все прозаичнее, вернулся Виктор к мысли об Анастасии. Просто потому, что детей у них нет? И семья ненастоящая. Так, сожителство двух... сожителей... А когда их заводить, снова пожалел он себя. Выполз из кризиса. Снова появились деньги. Жирок завязался. Там с китайцами дела пошли, чехи с немцами стали с предложениями подходить. Просто некогда было! Физически некогда! Домой по ночам приходил.

Лишь затем все налаживаться стало. В Барвиху вон переехали. Повезло, считай: очень хорошую китайскую партию пропустил, а тут еще на ту, первую, дачу покупатель нашелся. Там продал, из оборота деньги вытащил – купил участок в престижном месте. Вошли в элиту...

И тут уж Настька с катушек съехала. Новая жизнь, как же. Подруги из Жуковки, как же. Все – «как же». Покупать – так на этом «рынке», где цены такие же, как в Москве, только не за кило, а за сто грамм. Гостей в субботу принять – состояние потратить нужно.

Нет, он денег-то, конечно, не считал. То есть... считал, разумеется. Но тогда ему самому все было внове. И, честно говоря, казалось – море по колено. Он вырвался из тисков малоразмерности, когда всего дохода хватало лишь на то, чтобы непосредственно обслуживать жизненные потребности. Из потерь выбрался.

Сколько сил положено было! И вот – наладилась жизнь! И конечно, тут тоже не до ребенка. На Канары хочется. В Таиланде еще не были, хоть туда уже и жук и жаба ездили. Слушай, давай в Индию слетаем? Хочется на рериховские пейзажи воочию посмотреть. А в Америку возьми меня с собой на выставку?

Дом в Берлине завели... Точнее, около Берлина. И здесь... То массаж. То бассейн. Слушай, я с Ленкой в «Царскую охоту» схожу, пойдешь с нами? Там Филя выступает, хоть заставить его песенку по заказу спеть...

Или: я не могу с этой дурой! С этой горничной! Представляешь, она мои лифчики примеряет!..

Да нет, хорошо это все. На то и работаем. Не на горничную, конечно, вороватую... хотя за тысячу долларов зарплаты вороватость сама заводится. Как моль. Все жалуются. Но прислугу можно сменить. И сменили.

Нет, живем, чтобы жить! И жить хорошо! Вот только хорошо не получается...

* * *

В гостиной рывкнул телевизор – видно, жена на какой-то попсоконцерт попала. Тут же звук убрала, переключила дальше. Ну, хоть тут все совпадает: оба готовы этот попсытник пристрелить без жалости...

Господи, и кто бы объяснил! Ну почему я сижу тут, на кухне, один? И предаюсь воспоминаниям, которые больше напоминают какие-то черепа, ухмыляющиеся из прошлого? Ведь у меня есть женщина. Трогательная, любимая, близкая до последней клеточки! Женщина, которую я так нелепо потерял... и так чудесно нашел! И ее убедил, что нашел, и нашел навсегда!

Что у нас не так? Чего не хватает мне, чтобы выйти к ней в гостиную? «Того, что не осталась рядом в холле, пока я раздевался, – с холодным осознанием подумал Виктор. – Того, что убежала к какому-то ток-шоу, когда мне хотелось опустить голову на ее плечо. И шептать, шептать горячо и лихорадочно, как мне было плохо, как у меня ничего не получалось, как я был чужд своей жизни и самому себе. Потому что на самом деле больше всего мне хотелось сегодня быть рядом с тобой, уткнуться головой тебе в подмышку и не думать ни о чем, кроме того, как мне хорошо ни о чем не думать рядом с тобой!.. Ведь ты – та же, с которой все это было возможно! Да, но ты – сам – никогда не позволял себе утыкаться головой в ее подмышку! Ты сам никогда не просил у нее поддержки. Ты не звал ее на помощь. Ты приходил всегда победоносным легионером, приносил добычу и приводил пленных. Ты ничего не спрашивал у нее, и ты перестал с нею делиться своим.

Мудрено ли, что ты стал для нее обыденным приложением к вечеру? Твое золото, вываливаемое на порог, твои пленные и твои трофеи – это стало просто фоном вашей общей жизни. А тебе было слишком некогда, чтобы этот фон сменить... И ты был слишком горд. Да и... Как его сменишь, этот фон? Вывернуться наизнанку? Выкинуть дело? Перепрыгнуть через голову? В душе начало закипать раздражение. Ну ведь нет у меня просто времени на изобретательство семейных радостей! Есть силы, но нет... нет драйва, что ли... Нет стремления. А почему его нет? Нет цели? Но ведь я работаю! Я тяжело работаю! Я работаю на нас, на семью, на будущих детей... которых так и нет после того выкидыша...

Зато время на изобретательность есть у нее. Она же целыми днями дома! Я же не требую подносить мне тапки! Но могла бы ты просто не отворачиваться и не убегать к своему телевизору, когда я вот такой прихожу в дом? Что тебе в этом ящике? Чем он заменяет тебе меня?

Хотя... Подождите... Значит, чем-то заменяет? И что мне с этим делать?»

Борис Семенович Владимирский откинулся на спинку кожаного кресла. Дела идут. Идут неплохо. Это очень полезно, что он тогда решил «вписаться» в это дело с ОСАГО. Банк банком, это неплохие деньги, но всегда полезно взяться за оказание обязательных услуг населению. Сбербанк ему не переплюнуть, конечно, – его никому не переплюнуть. Но то, что к буквально вырванному праву обслуживать платежи людей третьим организациям он прилепил еще и страховую компанию, дело весьма перспективное. Тем более – когда в доле и кое-кто из серьезных государственных чиновников. Что бы там ни говорили, а в нынешних условиях государственного капитализма такое участие не то что необходимо – оно даже не обсуждаемо. Зимой без дубленки не побегаешь...

Да к тому же он и сам был в определенном смысле государственным деятелем. Четыре его человека сидели в Думе, один – в Совете Федерации. Он был, таким образом, тоже чем-то вроде лидера политической партии и парламентской фракции. И именно его люди – то есть и его люди тоже – помогли Союзу страховщиков протащить столь выгодные положения в законе об ОСАГО.

И в РСПП у Владимирского неплохие позиции. После назначения Саши Жохина они даже укрепились. Слава богу, он давно разглядел в нем, картавом и нудном очкарике, большой политический потенциал. Хоть в те поры его и забивал Сергей Чухрай. Владимирский тогда помог им с деньгами для предвыборной кампании. И потом это отозвалось сторицей. Вся команда быстро пошла наверх, вплоть до Администрации. И Саша Коровин стал представителем президента в Госдуме.

А в ТПП силу набрал Боря Исаков. Рядом со старым зубром Вымаковым. Ключевое здесь слово – «старый». С перспективами Борис человек. Хоть не все его любят.

А дальше само идет. Пусть журналюги орут о коррупции. На самом деле конвертики с долларами – это так, баловство для фининспекторов. Настоящий бизнес и настоящая власть не нуждаются уже в деньгах как смазке для своих отношений. Все – на уровне дружбы. Особой, конечно, ее разновидности. Когда счет все равно ведется. И если за услугу кто-то предложит большую цену, то дружба будет вынуждена проглотить и предательство...

И тем не менее мир здешний – тесный и узкий. Рано или поздно пересекаются интересы каждого с интересами каждого. А раз уж решено, что стрельба и взрывы отменяются, то и приходится действовать соразмерно. Случаев, как с Ваней Кивелиди, больше не будет.

Кстати, о случаях... Очень интересный доклад представил Логовенко. Очень. Теперь ясно однозначно – чистая бытовуха. Обычные рублевские бабы, жутко ревнивые друг к другу, вечно живущие в постоянном соревновании с себе подобными. В этой вечной гонке за лучшей одеждой, за лучшей косметикой. За лучшим телом, в конце концов... Где выигравшим достаются призы в виде состоявшихся богатых мужчин. А проигравшие безжалостно из здешней жизни выкидываются.

Обычные бабы сцепились из-за места на автостоянке. Борис Семенович усмехнулся. Да нет, Лариска – милейшая девка, но, конечно, из-за такого случая открывать полноценные боевые действия он не будет. Не хватало еще славы, что он за бабьим подолом в соседскую свару ввязался. Будто пьяная деревенщина из-за пропавшего с плетня кувшина... Пускай сама разбирается. Баба боевая... А вот другая сторона конфликта – это может быть интересно...

Владимирский вызвал помощника. Костя человек доверенный, хоть и хваткий. Или наоборот – хваткий, но, в силу того, что Владимирский платит за эту хватку значительные деньги, – доверенный. Пару раз его пытались перекупить – не сумели.

Помощник появился в кабинете почти сразу же. Словно ждал за дверью. Это тоже было одним из его достоинств – чрезвычайная быстрота и гибкость. Для него не существовало ничего выше приказа босса, и ради его исполнения помощник бросал все, чем бы ни занимался.

Владимирский даже подозревал, что Костя, услышав звонок от него, способен сорваться и с женщины. Во всяком случае, не было еще такого, чтобы он не ответил по телефону уже после третьего сигнала.

Но в то же время приказ он мог исполнить именно гибко: результат будет достигнут подчас с весьма большой фантазией. К тому же помощник изобретательно пользовался подчас весьма неожиданными методами.

– Слушай, Костя, – произнес Владимирский. – Ты садись, что ты стоишь. Разговор будет небольшой, но и не очень деловой. Почти семейный. Скажи, у нас есть что-нибудь на Серебрякова?

Глава 4

Заниматься не хотелось ничем. И Анастасия просто сидела в спальне, бездумно глядя в окно.

Только что отзвонилась Сэнди. С очередным душераздирающим воем: «Представляешь, этот козел меня бросил! Я ему все отдала, а он!..»

«Зовите меня Сэнди, – представилась она во время первого знакомства в «Арбате». – У меня такой ник в Интернете».

Как подружились – непонятно. Ничего глупее этой дружбы представить нельзя. Сэнди была типичной «девушкой света», проводившей почти каждый вечер в очередном клубе с очередной тусовкой. Ни ума, ни талантов в ней не было ни на грош. Вернее, был один – она умела заразительно «оттягиваться» в любой компании. Именно в любой – независимо от уровня доходов, образа занятий и образования. Настя никогда не отдыхала в компании академиков, но подозревала, что Сэнди и там нашла бы со всеми общий язык. Мозги ей заменяла внешность, образованность – многочисленные связи и знакомства, а недостаток общей культуры – громадный опыт гулянок в высшем обществе.

Вероятно, именно потому она могла болтать без умолку с любым человеком, нисколько не боясь показаться душой. Ибо ей, как никому другому, полностью подходила эта фраза: «Прелесть, что за дурочка!»

Но однажды Настя ее поняла. Не сразу, конечно. Но зато – тем глубже. Сэнди была просто маленькой девочкой, которой просто – просто, просто! – из всех сил хотелось замуж. Кто-то когда-то ей подсказал, где нужно искать перспективных женихов. И она пробралась на одну вечеринку, другую, в один клуб, второй-третий-десятый. Стала завсегдатаем. Ее не то чтобы приглашали... приглашали тоже. Но в ходе любого праздника неизбежно поднимался вопрос о том, что и где будет завтра... «Кто будет завтра в «Китайском летчике?» И Сэнди там оказывалась.

Постепенно у нее даже скопился кое-какой достаток. В конце концов, она была для всех своей. И ее звали то телевизионщики – поучаствовать в какой-нибудь программе, то пиарщики – покрасоваться за несколько сотен долларов на какой-нибудь выставке, то продюсеры – «разогреть» кого-то перед важной презентацией.

Но Сэнди не очень интересовалась деньгами. Квартира ей от кого-то досталась, на утренний кофе хватало, а по вечерам она была угощаема и так. Сэнди интересовалась другим. Она упорно и настойчиво перебирала цепким взглядом тех веселящихся самцов, что проходили мимо нее на этих вечерах и вечеринках, все так же упорно стремясь найти своего суженого.

Беда ее состояла, однако, в том, что у Сэнди было еще и цепкое сердечко. И оно немедленно, как застежка-липучка на куртке, цеплялось за того, кто вдруг попадал в разряд подходящих кандидатов. И девочка прилеплялась к нему накрепко, отдавая действительно себя всю. Включая и деньги.

Вот только мужчины подобной пылкой верности долго не выдерживали. Сколько ей ни втолковывали подружки, что самец человека – животное боязливое, пуганое, излишнего внимания к себе страшится и норовит от ононого убежать, – на Сэнди эти увещевания не действовали. То есть она соглашалась – головою, – но ее разум всегда послушно замолкал, когда начинало говорить сердечко.

Потому истории, подобные нынешней, повторялись с регулярностью железнодорожного расписания. И Настя заранее знала даже не то что – чем, но и – когда у Сэнди случится очередная трагедия. Возможно, потому Сэнди с ней и дружила искренне. Ведь Настя всегда ее выслушивала и сочувствовала. Иногда даже приезжала к ней домой, где они на пару напивались «Бейлиза». И всегда обнадеживала ее обязательным и скорым семейным счастьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.